

Надежда
БОЛЬШАКОВА

пос. Ревда Мурманской области

ИМЯ И СУДЬБА

Что даёт ребёнку имя при рождении? Как может оно изменить его судьбу?

Долгое время мне ничего не удавалось узнать об имени Надежда, потому как отрочество, юношество и молодость мои выпали на годы полного забвения Бога и всех святых. Но любопытство все же заставило залезть в справочники, энциклопедии, словари, и тогда мне открылась судьба святых мучениц Веры, Надежды и Любви, родившихся в Италии (117–138 гг.), день памяти которых приходится на 30 сентября. Их мать София была благочестивой вдовой-христианкой и потому назвала своих дочерей именами трех христианских добродетелей. Слух о Софии и ее красавицах дочерях: двенадцатилетней Вере, десятилетней Надежде и девятилетней Любви, о их вере и преданности Христу распространился по Риму. Языческий император Адриан решил пресечь это жестокими пытками девочек.

Веру охранники засекли плетью и кинули на железную решетку под полыхающий огонь, но когда увидели, что та непреклонна, казнили ме-

чом. Надежду решили бросить в котел с кипящей смолой и маслом, но тот лопнул на глазах императора и развалился на мелкие части, тогда девочку обезглавили. Любовь привязали к деревянному колесу и избивали палками, а затем толкнули в огненное чрево пылающей печи, из которого та вышла невредимой, лишь чуть опалив одежды. Обезумевший Адриан велел отрубить голову и ей. Они погибли, но от веры во Христа не отреклись. Все происходило на глазах матери, которая только и могла, что истово молиться за своих дочерей. Адриан отпустил её, решив, что теперь она отвернётся от своего Бога, а София, похоронив любимых дочерей, через два дня умерла на их могиле.

Когда я узнала о принятии мученической смерти маленькими девочками, была потрясена. Какую же нужно было иметь веру, силу духа, чтобы не сломаться, не пасть в ноги своим истязателям. Крест, посильный далеко не каждому взрослому.

Сегодня эта история стала уже хрестоматийной. А каково же значение этих имен для русской культуры и православия?

На протяжении истории Государства Российского имя для человека имело особый сакральный смысл,

и не случайно в последние три десятка лет люди, пытаясь постигнуть тайну своего имени, смысл, заключенный в нем, стали изучать гороскопы, чтобы таким образом больше узнать о себе. Потому как вещая душа народа воплощена в его языке, в том числе и в именах. Не многие родители, давая сегодня имена своим сыновьям и дочерям, понимают, какую тайную непостижимую власть в жизни их детей сыграет оно. Имя, как звучащий образ человека, его оберег, Ангел-хранитель, предзнаменование, определяющее его судьбу. Пытаясь проникнуть в потаенное, мы совершенно не осознаем, что наши имена в основном уже давно заимствованы из других культур.

В большинстве указателей имен говорится, что и такие истинно русские имена, как Вера (ведающая свет); Любава (любовь, дорогая, любимая); Надея (упование, ожидание, надежда) – имена, якобы только заимствованные из старославянского языка, где появились как перевод с греческого: Пистис, Агапэ и Элпис. Имя Элпис происходит от корня, означающего «воля», а русское слово «надежда» – от глагола «действовать». Но если бы в русском языке не было своих собственных имен Веры, Надежды, Любви, то разве родители до сих пор называли бы ими своих дочерей?

Несмотря на то что именины Веры, Надежды и Любви отмечаются только раз в году, 30 сентября, в России это были одни из самых популярных имен. Имя Вера еще недавно давали двадцати из тысячи девочек. А в XVIII веке из тысячи дворянок 40 было Надежд, в купеческом сословии – 20, а среди простого люда – пять. В 1961 – 1970 годах из тысячи девочек это имя получали 29. Также было популярно и имя Любовь, сейчас же эти имена незаслуженно забываются и заменяются именами других культур.

При рождении мама решила назвать меня Натальей в честь бабушки, отец же, придя в поссовет, вдруг взял и поменял решение мамы, записав меня Надеждой.

Кого еще из известных Надежд хотелось бы вспомнить по этому поводу. Наверно, прежде всего первую в истории женщину-офицера, участвующую в Отечественной войне 1812 года, Надежду Андреевну Дурову, автора мемуарных «Записок кавалерист-девицы», приключенческих романов и повестей; поэтессу, детскую писательницу Надежду Александровну Павлович; русскую писательницу Надежду Петровну Тэффи; исполнительницу русских народных песен и романсов Надежду Васильевну Плевацкую; одну из моих любимых актрис Надежду Васильевну Румянцеву, эстрадных певиц Надежду Чепрага и Надежду Кадышеву. Интересный список Надежд и их главных жизненных направлений: писатель-

ницы, певицы, актриса. Я стала писательницей, люблю петь, а на сдаче актерских дипломных работ в институте приемная комиссия назвала меня актрисой души, это так, для констатации факта и того, как имя влияет на судьбу человека.

ПЕСНИ МОЕЙ ЮНОСТИ

Когда была школьницей, некоторых из моих подруг стали отдавать в музыкальную школу, я тоже просилась, но денег платить за учёбу у родителей не было, не говоря уже о том, чтобы купить пианино. Однако проигрыватель был, и тогда я начала петь под пластинки. Особенно любила про войну, песни в исполнении Марка Бернеса...

В Калининском ГПТУ меня от училища с песней «Баллада о красках» выбрали на городской конкурс. Народу – тьма. Вышла, баянист сыграл вступление, а у меня от испуга слова первой строчки забылись. Баянист ещё раз сыграл, меня заклинило. В зале захопала, я стою, наконец вспомнила и запела:

*Был он рыжим, как из рыжиков рагу,
Рыжим – словно апельсины на снегу.
Мать шутила, мать веселою была:
– Я от солнышка сыночка родила...*

Спела-то хорошо, но когда со сцены стала сходиться, запнулась так, что от босоножки каблук отлетел... Краснея от стыда, припадая на ногу, спустилась в зал. Кто-то из выступающих далее нашёл мой каблук и демонстративно со словами «Чей каблук? А твой каблук!» вручил его мне под смешки. Я готова была сквозь землю провалиться.

После долго боялась с песнями на люди выходить, но однажды решилась... И теперь, когда душа просит, вполне могу спеть одну из своих любимых.

Люблю песни в исполнении Изабеллы Юрьевой, Петра Лещенко, Владимира Высоцкого, Александра Малинина, Александра Розенбаума, ранние Аллы Пугачёвой, русские народные, песни 60–70-х годов. Люблю слушать Эдит Пиаф и Мирей Матье, песни в исполнении итальянских певцов и саамской норвежской певицы Марий Бойне. Люблю музыкальные композиции, исполняемые на трубе, саксофоне, флейте. Из классической музыки близки Чайковский и Григ. Любимые балеты – «Спартак», «Лебединое озеро», «Лейли и Меджнун», оперы – «Чио-чио-сан», «Кармен», «Тоска»... Но все их я видела и слышала только по телевизору, вживую слышала оперное пение лишь дважды.

Голос певца – удивительный божественный дар, который вызывает во мне такую гамму

чувств, что, слушая, например, живое пение, могу разрыдаться от переполняемых эмоций. Причём заметила, что с возрастом потребность именно в живом голосе исполнителя, особенно оперных партий, возросла.

«СОПРИЧАСТИЕ»

В Новгородском культурно-просветительском училище в дипломном спектакле «Сопричастие» по мотивам сказки Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш и его военная тайна» играла Плохиша.

В нашем спектакле речь шла не только о прошлом, но и о настоящем, в котором также совершаются предательства. Почему из одних получают герои, из других предатели? В нашем спектакле участвовали как «мальчиши», так и современники. И уже современники пытались разобраться, произнося:

*Гудят биотоки сердца и мозга –
биотоки высокого напряжения.
Они обжигают тебя и меня,
дышать не дают.
Раздавили!
Загнали!
Не умолкая, звенят и звенят
тревожные,
прыгающие сигналы.
Что гибнет?
Любовь?
Человечество?
Совесь?..*

Захотелось попробовать себя в роли отрицательного персонажа, понять, что движет людьми, идущими на предательство. И, признаюсь, далась мне эта роль нелегко. На фрагменте «Парламентерство» оператор, выхватив меня слишком узким лучом, так ослепил, что я, не увидев края сцены, со всего маха шагнула в зал... Налетев на сиденья, свалив несколько рядов, застыла, ошалев от испуга. Только крик «Ноги целы?» вернул к действительности. Сцена от пола возвышалась примерно на метр. Удивительно, но на мне не оказалось даже царапины. Только сильнейший испуг и истерика.

На «Пытке Плохиша», пробегая вокруг зрительного зала, перед буржуинами я должна была представлять в кувырке. И все бы хорошо, да кувырка сделать не могла. В школе на уроках физкультуры делала кувырки только назад и никогда вперёд, боясь свернуть шею, а тут – вяпалась. Режиссер курса Ольга Николаевна гоняла меня до изнеможения, но кувыр-

ка добиться не могла. Однажды, вновь остановившись, остроносой колобковской туплей я получила такой тычок под зад, что не заметила, как перевернулась, и услышала ее победный крик: «Ну что, шея твоя на месте? Или мне тебя прикажешь каждый раз пинать?» Страх кувырнуться исчез.

А на сдаче спектакля в пробежке вокруг зрительских кресел у меня оборвалась лямка от затягивающего бинта, и мои груди, выскочив из тисков, больно заколыхались точно ошалелые. Между сценами была минута, я с маху влетаю в техническую комнату к Лукину, задираю рубаху и кричу: «Витя, крути!», он тут же начинает бинтовать мои груди, и через минуту я вновь вылетаю на сцену.

После спектакля Виктор подошел ко мне и спрашивает: «Надь, а что это с тобой было-то, когда залетала ко мне?» Оказывается, он и не знал, что мы на спектакль груди перетягивали.

В финальной сцене буржуины, пытая Мальчиша, без конца «стегают» его плётками, я же в это время радуюсь, мол, не выдал тайну – получай. Но радуюсь-то по предлагаемым обстоятельствам, а на самом деле каждый раз от боли внутренне взвизгивала сама, потому как кончик настоящей, отнюдь не бутафорской плётки буржуина жалил ноги мне и всамделишную пытку получал не Мальчиш, а я...

Сколько раз просила Юрия Ганина отойти подальше, но... он в горячке игры постоянно об этом забывал. И на последней песне, когда мы выходили уже из образов мальчишей и пели песню, у меня по-настоящему текли слезы, так было жалко себя. Однако роль любимая, а потому и приходилось терпеть.

Я так любила спектакль, что, когда перед большой премьерой заболела, несмотря на температуру под сорок, играть все же пошла. Мне дали какие-то таблетки, и, отыграв спектакль на одном дыхании, при закрытии занавеса я, обессиленная, рухнула в обморок.

Приехав в Новгород через восемь лет после окончания училища, узнала, что о нашем спектакле, который мы даже по ночам репетировали, обо мне, как играла его с температурой сорок, ходят легенды. Педагоги по режиссуре студентам нас в пример ставят. И, признаюсь, услышать, что стала некой легендой в родном училище, было приятно.

Профессия режиссера научила меня глубже смотреть на жизнь, замечать в ней, в людях самые незначительные мелочи, быть внимательной к слову. Наверно от этого мне и пишется легко, ведь рассказ, повесть, роман – своего рода спектакль, который ты ставишь. Только в спектакле выразитель твоих мыслей и идей – актер, здесь – слово...

ВСЕ С КАКИМИ-ТО КОМПЛЕКСАМИ ХОДЯТ, А Я НЕТ

Как-то на репетиции Колобкова сказала, что в группе есть только один человек без комплексов – я. Не зная на тот период, что такое комплексы, я спросила у однокурсницы Натальи Стеблянко:

– Наташа, только честно, я что, ненормальная? Все с какими-то комплексами ходят, а я нет.

Наталья, как могла, попыталась объяснить, но её доводы мне казались совершенной глупостью, а поэтому, устав приводить примеры, она выпалила:

– Вот потому у тебя их и нет.

Но я не желала оставаться без каких-то загадочных комплексов и целых две недели выискивала их у себя. На очередном занятии победно заявила:

– Вы не правы, Ольга Николаевна, я нормальная, у меня тоже комплекс есть: я боюсь в компании в туалет ходить, потому как все будут слышать моё журчание, вот!..

Все засмеялись... Я, не понимая, чем вызвала столь неудержимое веселье, пыталась дознаться: «Что, скажите, – это не может быть комплексом? А мне девчонки с хорового говорили – может!» И все смеялись ещё больше, я же готова была разрыдаться... Когда смеховая истерика прошла, Ольга Николаевна, вытирая глаза от слез, произнесла:

– Теперь ты, Надежда, точно от последнего избавилась.

Страх, высказанный публично, прошёл, будто его и не было.

НУ ЧТО ТЫ, НАДЕЖДА, ПОСТОЯННО ОРЕШЬ?

Сценречь – после режиссуры любимый предмет. С детства я обладала довольно сильным грудным голосом, да ещё родители, работая на стройке, привыкли громко говорить и эту громкость, естественно, приносили в дом. В училище Ольга Николаевна за голос меня похвалила, сказав, что с ним немного поработать и я спокойно без микрофона заговорю на зрительный зал в пятьсот мест. Начались занятия. Я и не подозревала, что голос, оказывается, нужно ставить. Впрочем, люди редко замечают, что большинство из них ходят с какими-то дефектами речи, при этом совершенно не обязательно шепелявить или не выговаривать слова. Есть много других: разговор без чёткой артикуляции, разговор на связках (чем страдает большая часть наших учителей), зажим нижней челюсти и так далее.

И всегда с моим громким голосом даже в училище у меня возникали проблемы. Стоило чуть повыситься, как все начинали тут же возмущаться: «Надеж-

да, ну что ты постоянно орёшь?» Это так обижало, ведь говорила я, совсем не напрягаясь. Раз на репетиции спектакля меня так этим затуркали, что, не выдержав, уже поставленным голосом я заорала во всю мощь, заорала так, что стены затряслись, ребята уши позатыкали, после обессиленно и тихо, но очень настойчиво сказала: «Если ещё кто скажет, что я ору, буду отвечать таким образом». Больше подобных замечаний не делали.

АНТИСЛОВАРИ

Стыдно признаться, но я до сих пор пишу не слишком грамотно, что очень угнетает. А все началось с того самого Новгорода, когда в училище на занятиях по сценречи мы стали вести «антисловари», постоянно записывая за людьми слова, неправильно ими произносимые. К примеру, если я слышала, что кто-то сказал «булоЧная», тут же относила его к неправильно произнесённым, а в графу правильных записывала «булоШная», если говорили «кОрова», то перечёркивала букву «о», писала правильно «кАрова», как вместо «Омлета» записывала «Амлет» или «ОгОрода» – «АгАрод», вместо «сердеЧность» – «сердеШность», «Остановки» – «Астановка», и так далее. Нас учили правильно говорить, размечая тексты палочками, галочками, подчеркиванием, что в свою очередь значило: длинные паузы, люфтваузы, ударные слова. О, тогда на курсе я считалась одной из лучших студенток!.. Зато сегодня к своему ужасу осознаю, что продолжаю писать как говорю и ставить знаки препинания совершенно не по установленным правилам русского языка, а по внутреннему ощущению текста, прочитывая каждое произведение вслух, чтобы не просто видеть его глазами, а и слышать звучание...

СЛАВА БОГУ, Я В РЕВДЕ ЖИВУ

А ещё не раз предлагали мне переехать в Мурманск, но всем предложениям я неосознанно сопротивлялась, и когда спрашивали: «почему?», объяснить не могла. А на самом деле – почему? В 2003-м, когда принимала участие в научно-практической конференции «Классика и современность», пришло осознание моего сопротивления городу. На «круглом столе» с участием творческой интеллигенции Мурманска услышала рассуждения «российских писателей» о постмодернизме в литературе, эпатажности, парадигмах, модерне... Слушала и не понимала, о чём говорят. Все слова какие-то нерусские, заумные... Через полчаса этих разглаголь-

ствований у меня началось внутреннее неприятие всего, что пыталась понять, и потому раздраженно прошептала рядом сидевшей Людмиле Тимофеевне Пантелеевой, профессору Мурманского педуниверситета: «Наверно, я дура – ничего не понимаю. О чём они?» Людмила Тимофеевна донесла суть разговора, тогда я возмутилась опять: «Так почему нельзя говорить так же просто и доступно?» И облегченно добавила: «Слава богу, я в Ревде живу, где наши люди говорят на всем понятном русском языке». После эту мысль высказала еще нескольким участникам, да и случай из времени учебы в Ленинграде в середине 80-х годов припомнила.

Шла как-то с сокурсниками по Невскому и у одного из кинотеатров увидела необычно одетую женщину. Она была не только сама одета во все голубое, но и с большим голубым бантом на голове. Удивленная, я заметила: «Надо же, в возрасте, а туда же, бант нацепила». Ребята мне как само собой разумеющееся: «Так это голубой!» Я им: «Не слепая, вижу, что голубой, не серо-буро-малиновый же нацеплять». Те с ещё большим акцентом: «Это голубой». Не понимая, что они имеют в виду, вновь завозмущалась: «По мне хоть в горошек, только не в таком возрасте перед людьми выпячиваться». Тут до спутников дошло моё непонимание смысла, заложенного в слове «голубой». Они, захохотав, пояснили, что это не женщина, а мужчина. И добавили: «Ты что, ничего про них не знаешь?» Я остолбенела: «А у нас в Ревде таких нет». Все, кто слышали мой рассказ, засмеялись, а Татьяна Борисовна Чеснокова из Театра Северного флота сказала: «Ты счастливая, Надежда, у тебя всегда есть с чем сравнивать. Твоя Ревда – это корни. Начало всех начал. По ней ты все и меряешь. А мы, городские, приехавшие в Мурманск со всех волостей, эти корни утратили, потому и цепляемся за все наносное, чтобы от моды не отстать да быть на уровне».

А ранее на конференции шло обсуждение стихов члена Союза писателей России, поэта Николая Кольчева. Многие сравнивали его поэзию с есенинской, рубцовской, но при этом приводили ранние стихи, написанные им в Лувеньге, небольшом поморском селе Терского берега Мурманской области. И правда, стихи Николая того периода и мои любимые. Было замечено, что нынешние стихи, написанные в городе, резко отличаются от тех ранних, хоть в них мотивы раннекольчевские присутствуют. И вновь я думала, почему так? А все по той же причине. Душа поэта стала впитывать в себя жизнь города с его проблемами, политикой, религиозными воззрениями. Ухо поэта улавливать не присущие простому крестьянину, каковым он был в начале своего

творческого пути, навороженные, иностранные, окрашенные новыми веяниями слова. А я, как Кольчев, восприимчива и к плохому, и к хорошему. Стоит переехать в город, наверно и мое творчество изменится, потому предпочитаю жить там, где родилась, где мои корни.

КУСТОДИЕВСКАЯ ЖЕНЩИНА ПРОТИВ РУБЕНСОВСКОЙ МЕЛКОВАТА БУДЕТ...

Будучи на Балашовских чтениях в Новгороде, писатель Владимир Личутин близко разглядел мою подругу Викторию Бакула. Виктория была в поморском костюме, сшитом ею специально, чтобы в Центр музыкальных древностей к Владимиру Ивановичу Поветкину ходить. Личутин, казавшийся против Вики еще меньше в росте, восхищенно произнес:

– Какая рубенсовская женщина!

Затем посмотрел на меня и не так восторженно добавил:

– А ты, Надежда, против Виктории мелковата будешь, только кустодиевская. Хотя это не говорит о том, что Кустодиев рисовал менее красивых!

И когда он так сказал, мне припомнился случай из моей учебы в Ленинградском институте культуры. Сдавали зачет по изобразительному искусству. Когда очередь дошла до меня, пожилая экзаменаторша-искусствовед, вдруг перебивая, спрашивает меня:

– Скажите, как вы считаете, кто из художников стал бы писать портрет с вас?

Я поморщилась и разочарованно произнесла:

– Ну, если только Кустодиев сподобится.

Она заглянула в мою зачетку, чтобы узнать имя, и растяжно произнесла:

– Вы совершенно точно выбрали для себя художника, Надежда, только я не поняла, почему ваше лицо и голос при этом выразили такое непочтение к этому великому живописцу?

Я, вздохнув, обреченно ответила:

– Да потому, что он всегда только толстых купчих и рисовал.

– Как жаль, милочка, что вы не доросли еще до понятия красоты в русской женщине и не видите своей собственной.

Тут уж возмутилась я:

– Значит, по-вашему, толстые бабы на его картинах – это красота? Да я всю жизнь похудеть мечтаю и совершенно не хочу походить на кустодиевских теток!

Экзаменаторша, не обращая на мое возмущение внимания, опять спрашивает:

– А если бы вас саму попросили написать образ земли, вы изобразили бы ее тощей и худосочной?

– Ну, нет, конечно, – даже где-то возмущилась я, – земля должна быть пышной, плодородной, как только что испеченный пирог. Образ тощей земли – это голод, неурожай, болезнь...

– Так почему же вы сами стремитесь не к плодородному образу, а к истощенному? – перебила меня экзаменаторша. – Красота русской женщины всегда заключалась в словах: кровь с молоком! А в живописи она запечатлена именно на полотнах Бориса Михайловича Кустодиева!

А тут в последние годы модное поветрие пошло, в портреты кисти великих художников компьютерным монтажом вставляли лица родных, друзей и дарить «эти шедевры» им на разного рода праздники... Вот и я не избежала подарка такого. И, конечно же, компьютерный маг мою портретную голову «влепил» в картину именно Бориса Кустодиева «Купчиха», что на этот раз меня совсем не расстроило.

«О ЧЕМ ВЫ ПИШЕТЕ?»

Какая девчонка не мечтает в детстве и юности о необыкновенно красивой любви?! Все школьные годы на книжной полке у меня висело изображение Ассоль из повести Александра Грина «Алые паруса», а любимыми сказками были «Золушка» и «Аленький цветочек»... В десятом классе кто-то на двое суток дал почитать «Анжелику». Первый день и на уроках, и дома читала, но чувствовала – не успеваю, а потому на второй день в школу вообще не пошла. Когда мама узнала, что я из-за книги уроки прогуляла, ругать принялась. Отец же примирительно произнёс: «Даже мне такую толстую книгу не осилить в два дня», а он-то книги очень быстро читал. «Пусть читает, не мешай», – и маме этих доводов отца хватило, чтобы отстать от меня.

А так как с началом чтения я пробовала себя уже и в сочинении рассказов о любви, которые на уроках автодела пересказывала одноклассницам, якобы где-то их вычитала, то стала серьезно задумываться, а не стать ли мне вообще-то писателем. Мечтала увидеть свои произведения, опубликованные в газете или даже в журнале, тираж которых на миллионы шел, чтобы все в Ревде узнали, какая я талантливая есть! Чтобы отец порадовался! И опять мое честолюбие не хотело мириться даже в мечтах – стать простым писателем. Только знаменитым!.. Все обыденное, заурядное, как у всех, – было не по душе.

Главный вопрос детей на встречах сегодня: «О чем вы пишете?» И я правдиво отвечаю: «О любви!» Для меня во всем первостепенна любовь. Будь она пла-

тоническая, эротическая, к детям, природе, животным... Только любовь! И становится обидно, когда люди, неплохо знающие меня, услышав признание кому-то в любви, особенно мужчинам, начинают заявлять, что подобными словами я могу человека в грех ввести. Какое ханжество, какая ерунда! Считаю, наоборот, в наше расхристанное время всем, и женщинам, и мужчинам, порой так не хватает добрых слов, и тем более объяснений в любви. Сужу по себе. Когда мне кто-то скажет, что любит, – горы сверну. В этот момент за спиной крылья вырастают, жить хочется, хорошие дела вершить. Энергия от подобных слов удесят�еряется. Потому и сама, если кого в душу приму, не боюсь признаваться в этом. При чем тут грех? И почему люди стали так бояться проявлений любви? Не от этого ли и мир наш сделался таким непримиримым и жестоким?

Хуже, если разочаруюсь в человеке и перестану его любить, тогда он физически начнет в моем окружении ощущать пустоту вокруг себя. Церковь учит меня прощать. Не так давно целый месяц в человеке, что разочаровал, выискивала положительные качества, более того, качества, которые до сих пор восхищают меня, и каждый день записывала их к себе в дневник. Затем прочла Алле Сеницыной, вдове моего друга, поэта и писателя Викдана Сеницына, она выслушала и подытожила: «Да он у тебя святым получился, на такого обижаться грех». Я подумала и решила: а на самом деле – стоит ли? Правда, и той изначальной любви нет, но и неприятие этого человека ушло, будто и не было.

В школе мы все вели вопросники, я тоже не была исключением. Теперь, перечитывая ответы, улыбаюсь их искренности и тому духу патриотизма, что воспитали во мне родители и учителя. Например, на вопрос «Можете ли вы пожертвовать собой?» отвечала: 1971 год – конечно, могу! 1972-й – кажется, да. 1973-й – да, могу! 1975-й – не знаю. 1978-й – боюсь, что нет. 1980-й – ради ребенка, родных смогу!

А в 1985-м на вопрос «Чем больше всего любите заниматься?» написала: «Познавать мир, познавать людей... Познавание нового – самое любимое занятие. Даже познавать себя интересно, ведь дневники».

КАК Я В ДУМУ ХОДИЛА

В 1997 году, когда на дворе стояла золотая осень и я готовилась к Славянскому ходу «Мурман – Черногория», меня вдруг вызвали в администрацию Ловозера. Приезжаю. Николай Иванович Грошев, помощник депутата областной думы Виктора Степановича Воронина, говорит:

– Есть разговор. Не знаю только, с чего начать... Я не любитель длинных вступлений, предлагаю:

– Начните с самого главного!

– Что ж, хорошо, – соглашается он. – Думаю, вы, Надежда Павловна, знаете, что скоро предстоят выборы в областную думу?

– Конечно. Помощь нужна? Статью о ком написать? – спрашиваю я.

– Да нет. Тут дело такое... Вопрос стоит о вашей кандидатуре, – наконец произносит почти торжественно Грошев.

Чего-чего, а этого я не ожидала, потому весело рассмеялась.

– Куда, в депутаты? – И затем сказала как отрезала: – Дума и я – несовместимы! – Затем, уже более примирительно, добавила: – Николай Иванович, миленький, да какой из меня депутат? Я жизнь люблю, людей... Люблю танцевать, творить, свадьбы проводить! Да и ругнуться могу иногда. Нет, определенно, я не для думы, а дума не для меня. У меня времени книги писать нет, а вы говорите – дума. Нет, нет и нет!

– Надежда Павловна, голубушка, но мы именно на вашей кандидатуре остановились. А то, что вы любите, делу не помешает. Думе давно нужны живые, честные и небезразличные люди. Ваши статьи читают и Ловозерский, и Терский районы, Оленегорск. Можете поверить, это не только мое мнение – многих. Мы уверены: люди будут за вас голосовать.

Моим последним аргументом был Маслов.

– Позвоните в Союз писателей. Вам Виталий Семенович по моей кандидатуре все популярно объяснит.

И уже дома меня застигает звонок Грошева.

– Маслов в восторге. Сказал, что они вашу кандидатуру и от славянского движения выдвигают.

Ночью – другой звонок, из Мурманска от Маслова.

– Рады, поддерживаем!

– Виталий Семенович, милый, у меня вообще-то семья! Не смогу... – ошарашенная таким заявлением, отказываюсь я.

– Ты сможешь все! – безапелляционно говорит Маслов. – Тебе люди поверили, должна ценить. Права не имеешь их доверие подвести.

– А как же Славянский ход?

– Сказали, пусть едет, мы все подготовим без неё. Месяц я была в отъезде. Вернувшись в Ревду, не успела порог переступить – звонит телефон.

– Срочно приезжай в Ловозеро. Надо переписывать заявление – ты идешь от инициативной группы. Необходимо собирать подписи.

Инициативная группа постаралась. 529 подписей за два дня! Так я стала кандидатом. Одним из двухсот шести по области. Нам было дано право по разу

бесплатно выступить на телевидении и радио. Это, конечно, прекрасно, но что говорить?

– Сама знаешь. Не мне тебя учить, – отвечает на мой вопрос работник районной администрации Иван Михайлович Галкин.

Бог мой! – подумалось мне. – Телевидения не боюсь, но излагать свою программу, когда вокруг столько проблем... Какие посулы давать, когда слова для большинства людей – пустой звук? Ведь столько напрасных обещаний за последние годы всеми нами было выслушано, столько клятв оказалось простым сотрясанием воздуха! Чем их пронять? Кто не был в этой шкуре, тому не понять...

– Не переживай, писатели помогут! – успокоил Грошев.

Но в Союзе писателей Маслов оказался занят. Тимофеев на ходу предлагал:

– Расскажи о себе. О том, что ты дочь двух народов, что не понаслышке знаешь проблемы района...

Легко сказать! Проблемы-то я знаю, но ведь и остальным они ведомы... Принялась писать – ничего не выходит. Сухо, надуманно, неубедительно. Кое-как набросала тезисы, и на этом творческий процесс закончился.

Позвонила приятельнице, доценту пединститута. Договорилась о встрече, посмотрим текст вместе, подкорректируем. Заодно и себя в порядок приведу: подкрашусь, завьюсь...

В половине третьего я у её дверей. Звоню. Никого. Значит, вырваться из института не смогла. Делать нечего. Пальто долой. Устраиваюсь на лестничной площадке, достаю папку с бумагами. Обматываюсь шарфом для тепла. Задумалась... Эх, жизнь моя жестянка!

Стала писать. На площадку вышла женщина, руками всплеснула:

– Господи, да как же вы меня напугали!

– Не бойтесь, я к вашей соседке пришла. Пока ее нет, здесь поработаю...

О приличиях думать не приходилось; не на улице же в пургу выступление для телевидения писать? На удивление, работа спорилась. Через полтора часа текст готов. Оставалось на время проверить, чтобы в пять минут уложиться.

И только вслух читать начну, в этот момент кто-нибудь обязательно на лестничную площадку выходит, начинает спускаться или подниматься! Молчу. Жду. И так несколько раз...

Промучившись полчаса, решила ехать к магазину «Океан». От него в половине шестого автобус к телестудии шел. Приехала рано. Увидела магазин и вспомнила, что за целый день крошки во рту не было. Зашла.

– Мне колбаски граммов пятьдесят... И шкурку снимите, пожалуйста.

Продавец посмотрела понимающе:

– Вы, наверное, есть хотите? Возьмите еще булочку.

В магазине жевать неудобно. На улице ветер с ног сбивает. Зашла за телефонную будку. Руки без перчаток на морозе стынут.

Ем и думаю... Тоже мне – кандидат! Смех кому рассказать. На лестничной площадке выступление пишет, за телефонной будкой колбасу жует. Вот что значит из народа в депутаты идти. Ни тебе машин, чтобы до телевидения довезли, ни прически, ни обеда...

Подошел автобус. Поехали. На телестудии девушек навстречу спешит.

– Вы случайно не на программу «Выборы»?

– Случайно да, – говорю обреченно.

Поднялась наверх. В комнате ожидания одни мужчины. Холеные! При костюмчиках, при галстуках, прилизанные, напудренные. На меня равнодушно глянули: не соперница – куда до них?

Вытащила плойку, крутанула челку, чтоб в глаза не лезла, завиваться полностью постеснялась. Как выгляжу – так выгляжу. Достала текст выступления, принялась просматривать.

Подходит один из кандидатов – Яков Галушко, работник «Севредмета», бывший глава администрации Ревды. С любопытством спрашивает:

– Что, Надежда, небось наизусть выучила?

Я ему, как своему, признаюсь:

– Представляешь, только что написала, даже прочитать не успела.

Он недоверчиво головой замотал, мол, говори, говори, знаем, как не успела.

Привели в студию, каждому место указали, монитор. Пока до меня очередь дошла, половину из выступления выкинула. Уложились в 4 минуты 23 секунды. Хорошо, плохо – как могла.

...Затем выступление на радио. Вновь: текст написала, а по времени не выверила. Прибежала на студию только-только. Пока первые кандидаты выступали, я свой чиркала. Режиссер записку подсовывает: «Не переживайте вы так!» Я в ответ: «Не переживаю, прочесть не успела». Ему ничего не оставалось, как только многозначительно посмотреть на меня.

Но это все ничего. Тяжко пришлось, когда вместе с участниками Славянского хода и ансамблем «Луявь» перед избирателями выступала. Когда встречи – глаза в глаза.

Разрывалась моя душа между семьей и долгом. Слово дала, что кандидатуру не сниму, – вот и нервничала. Давление до 160 подсакивало. Это у меня-то, у гипотоника!

Тяжелым получился разговор в Ловозере, в Национальном центре, элита которого меня терпеть не может. Спрашивают:

– Мы хотели бы знать, у вас программа есть, которую вы народу можете предложить?

– Программу хотите, – отвечаю им, – а вам мало «лапши на уши» вешали? Какую программу от меня услышать хотите? Защищать свой район готова на любом уровне – это не программа? Необходимые законы отстаивать, комбинату помогать... Не буду я вам благ и привилегий обещать. Ничего кроме совести своей, честности, неравнодушия – вот моя программа! Мало ее? Хотите, чтоб я обещала вам молочные реки, кисельные берега?..

И так порой на подобных встречах подмывало заявить:

– Да на что мне депутатство это? Снимаю кандидатуру, и вся недолга!

Но ведь слово дала... И, несмотря ни на что, вновь шагала на сцену и говорила правду. Правду о том, что увидели участники Славянского хода на своем пути, о сегодняшнем положении России, о нашей жизни. Говорила искренне – то, что думала, что наболело. Переживаете за жизнь – объединяйтесь. Выберите и проголосуйте – тогда в думе будет свой человек. Разбредетесь в голосах по кандидатам – потеряете и то, что имеете.

Раз шаг сделала, значит, следовало идти до конца.

А бывало, вместо пустого разговора выходила и песню «Черный ворон» пела. Давно на людях не выступала, так почему такой шанс упустить. Кому-то мои выступления нравились, кто-то смотрел на меня как на ненормальную, мол, и чего в думу лезет, коль не научилась себя хвалить.

В день голосования мы с мужем изо всех сил молились, чтоб меня не избрали. Семья для меня дороже любых дум. Считаю, каждый в жизни должен заниматься тем, что умеет делать хорошо. Да, собственно, и голосовала-то я не за себя, а за Калайду Василия Владимировича. Слово сдержала, в кандидатах походила, а от остального – отведи меня, Господи!

После объявления итогов меня поздравляли:

– Выйти на четвертое место из девяти – отлично! Молодец!

Одно поняла: наверное, нужно было пройти через эти выборы, чтобы понять, как люди к тебе относятся. Вот так бы каждому хоть раз в жизни взять и проверить себя на качество.

МАМА, МЫШЬ С МЯГКИМ ЗНАКОМ ПИШЕТСЯ ИЛИ БЕЗ?

Сидела над срочной статьёй в газету, тема совсем не грела, потому писала нервничая. Подходит сын, спрашивает:

– Мама, мышь с мягким знаком пишется или без?

Я вся в своих мыслях, машинально отвечаю:

– Сына, мышь – он мой – мужик, значит, и без мягкого знака пишется.

Семён написал сочинение, а через день-два приносит жирную двойку и, возмущаясь, говорит:

– Мама, мышь – не мужик. Учительница сказала: «Мышь – она моя», а значит, с мягким знаком пишется.

Я опять вся занятая, отрываюсь от печатания текста и, удивлённо взглянув на сына, задумчиво произношу:

– Надо же, а ведь точно, и как это я про собственную книгу о мышонке забыла. Ладно, сына, не расстраивайся, считай, что эта двойка моя.

МОЯ ОТДУШИНА – МУЗЕЙ

Сегодня моя отдушина – работа заведующей в Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, который я создала и до сих пор продолжаю обустраивать. Квартиру под который приобрела Мурманская писательская организация. Музей – мое любимое детище, здесь спокойно работается, пишется, репетируется.

За годы существования музея (в 2004 году ему исполнилось 10 лет) его посетили школьники и взрослые люди Мурманска, Оленегорска, Мончегорска, Полярных Зорь, Скалистого, Рослякова, Ловозера, Умбы, Гремихи, Кандалакши, Апатит. Постоянно проводятся экскурсии для ребят школ поселка Ревда. Приезжали гости из Швеции, Финляндии, Норвегии, Америки, Германии, Мексики, Новой Зеландии, из ближнего зарубежья – Украины и Белоруссии. Побывали в нем писатели и журналисты не только Мурманска, но и Петрозаводска, Вологды, Москвы, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Ярославля, Саратова. Но одному человеку, сколько бы ни было в нем энергии, такое дело не поднять, нужна поддержка людей. И можно только удивляться душевной щедрости нашего народа. Не скупясь, они делились всем, чем могли: кто-то дарил столы, кто-то люстры, кто-то табуретки. Люди с удовольствием несут сюда старые фотографии, книги, делают бесплатно ремонт и многое-многое другое. И я считаю этот музей поистине народным музеем.

Жизнь только тогда имеет смысл, когда каждый

день – творчество! Написала ли что, нарисовала, связала, игрушку сделала, репетицию провела, фильм поставила...

Кстати, о фильмах. Мы с Александром Даниленко поставили фильмы и о писателях, и о Днях славянской письменности в Ловозерье, о Сейдозере, о Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины. Задумок много, да еще бы средства находились...

Хоть редко, но бывают в моей жизни и бездарные дни, когда я, успокаивая свои нервы, сижу целый день, раскладывая пасьянс. Мне говорят, правильно, надо и собой иногда заниматься. Согласна. Похудеть всю жизнь мечтаю, да ничего не выходит, вот и занимайся собой. Четырежды сидела на пятидневной сухой голодовке, когда ни есть, ни пить, ни умываться, к воде близко подходить нельзя. Выдерживала спокойно. Правда, в последней чуть будоражили рекламы сока и пива. Потому, когда в фильмах показывают человека, день или два просидевшего без воды и почти умирающего при этом, вера к такому фильму пропадает. Человеческие возможности гораздо выше.

«С БОГОМ», «СПАСИ И СОХРАНИ»

Что же касается веры, Бога, то здесь все гораздо сложнее. Еще с детства от бабушки с мамой усвоила как оберег слова: «Иди с Богом, со Христом», «Спаси и сохрани». В юности, обучаясь в Новгороде и Ленинграде и изредка бывая в церквях, ставила свечи за здоровье родных, поминая бабушку. Делала это по какому-то внутреннему наитию. Не могу сказать, что мое общение с Богом было постоянным, нет, только от случая к случаю. Причем обращалась я к нему скорее интуитивно, нежели осознанно. Не зная ни одной молитвы, молилась от души, как умела. Когда же узнала историю смерти и воскресения Христа, в дневнике записала, что и у меня в 33 года обязательно будет свое распятие и предательство. Мысли материальны. В 33 года, когда на работе за прямооту мне фальсифицировали прогул и уволили по 33-й статье, я впервые осознанно и серьезно обратилась к Богу. Случайность? Но в случайности я не верю. Пришлось подать в суд. В это время предала и подруга... Я писала в дневник: «Господь! Если ты по правде есть, защити!». И он защитил. На работе восстановили, обвинения и статью сняли, правда, работать в ДК уже не дали. Но не это важно. Важно – уверилась: Бог есть! И в своих рождественских открытках к Нему несколько лет подряд я просила Господа вернуть меня вновь работать в ДК и не по-

нимала, почему Он оставался глух к просьбе. Сколько было пролито слез, сколько проведено бессонных ночей, на нервной почве отказала правая рука... И только тогда, когда серьезно занялась литературным трудом, стала ездить в Мурманский Союз писателей, смирилась с решением Господа. Поняла: работу клубника я переросла и дал мне Господь все это пройти для моего же взросления.

В конце 80-х – начале 90-х с шатанием и развалом Советского Союза в интеллектуальных кругах в открытую заговорили о Священном Писании. Сунулась было и я читать Библию, да только ничего в ней не поняла. В 1992-м, чтобы познать эту книгу книг, обратилась к евангелистам. Веру их приняла всей душой. В принципе, если я что-нибудь принимаю, то от всего сердца. А вот тут-то и стали возникать разного рода сомнения. Проповедовалось одно, делалось другое. Евангелистские братья своими запретами старались всех «подмять под себя». Нельзя краситься, женщинам носить брюк, нельзя писать или читать не о Боге, нельзя, нельзя, нельзя... Книги, кресты, иконы – сжечь. Смотрела на все, слушала и понимала: не от Бога запреты – от людей, чтобы в страхе держать, который сильнее любых цепей. Они говорили: Бог есть любовь, но тут же оговаривались, при каких условиях. К евангелистам пришла с огромным желанием познать Господа, Его Слово. Но у них священный образ в моем сознании раздвоился. В одно и то же время Господь был – Отец, которого я любила, и монстр, которого боялась. И опять возникли метания, ссоры с мужем, родителями, неприятие ими моих поисков. Много молилась, чтобы выяснить, кто же есть Бог? И поняла. Бог – вселенский разум, добрая светлая энергия, совесть. БОГ – ЛЮБОВЬ! Без всяких оговорок, а потому хочет, чтобы и мы любили, Бог – Творец, а значит, и нас хочет видеть творцами, Бог – Совесть, а значит, по делам твоим с тебя и спросится. От евангелистов ушла.

Сейчас для меня Господь – Отец, Друг! Разговариваю с Ним, в Рождество письма пишу, бывает, просто так напишу. Верю, читает он их, потому что большинство моих просьб исполняет, а то, что не исполняет, знаю, считает бесполезным мне. Любит, защищает, оберегает... Что же касается грехов... Стремиться не совершать их необходимо, но люди слабы, разве могут они сравниться с Господом... И сложились стихи:

*Не послушница я, а я грешница,
Не в святой мне обители жить.
Я на землю пришла, сердечная,
Для того, чтоб кого-то любить.*

*То ли черт надо мной потешается,
То ли Ангел дает мне весть.
И в молитвах приходится каяться,
Господь Бог в сердце каждого есть.*

*Ищу в храме душе очищение,
Чтоб спокойнее дальше жить,
А когда получаю прощение,
Начинаю снова грешить...*

*Не послушница я, а я грешница,
Не в святой мне обители жить.
Я на землю пришла, сердечная,
Чтобы, люди, вас всех любить.*

Более моя душа не принимает никакие другие религии, кроме православной. Сердцем поняла: многие века Русь спасалась именно православием – чистой энергией церковью, святостью икон, крестов, звоном колоколов...

В 2006 году в Славянском ходе благословлял меня Патриарх Алексий II, а в 2009-м в Москве я участвовала уже в работе Поместного собора, избравшего нового Предстоятеля Русской Православной Церкви, 16-го Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Поэтому моей душе и ближе родное русское Православие – Славие Бога.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИСЬМА ГОСПОДУ

Человек постоянно чего-то желает, к чему-то стремится. Для одних высшее счастье в семейной жизни, для других в карьере, третьи получают удовлетворение от ощущения себя богатыми, четвертые от получения удовольствий. Этим своим истинным или мнимым благам большинство людей и отдает все свое время. А если при этом что-то теряют, то страшно огорчаются, порой ссорятся с друзьями, идут на преступления. Люди не понимают: то, что их так волнует, чему они отдают столько сил, ничтожно в сравнении с духовными благами, которые по своей душевной скудости они просто не замечают. Им и невдомек, что высшее и абсолютное Благо – Бог, который находится рядом, и только от Него льются струи света и жизни, и не стоит забывать благодарить Господа, когда Он посылает нам Свои милости, и не роптать, когда отнимает что-либо. Ведь если, по слову Спасителя, ни один волос не упадет с головы без Его воли, то тем более важные события в жизни нашей управляются Его милостивой десницей. И только когда мы научимся именно так смотреть на вещи, тогда от многих бед и огорчений избавим себя. И каждое обстоятельство будет содействовать

нашему благу и благу людей, с которыми мы общаемся. А если Бог не посылает чего-либо нам или даже отнимает, значит, считает это лучшим для взросления нашей души. Главное человеку – познавать Бога, духовно приближаться к Нему, поверить, что посылаемое им есть высшее благо.

В 2009-м потрясло произведение Эрика Эммануила Шмитта «Оскар и Розовая дама». Неизлечимо больной мальчик пишет письма Богу. Ему отпущено двенадцать дней... И каждый день превращается в десятилетие прожитой жизни. 14 писем к Богу... Оказывается, полноценную жизнь можно прожить и за двенадцать дней, если быть с Богом...

Произведение заинтересовало еще и потому, что и сама я уже двадцать лет пишу письма Богу. Происходит это обычно в Рождество, когда они получаются особо подробными, обстоятельными, точно отчет перед Всевышним за прожитый год. Пишу в дневник и могу точно заверить: Господь очень внимателен к ним. Я не Эрик Эммануил Шмитт и все же приведу отрывки из некоторых:

Рождество 2000-го. «Господь! Сегодня Ты по православным христианским канонам народился на свет. С того дня прошло две тысячи лет, срок большой в сравнении с одной человеческой жизнью. Но я верю: Ты был и есть! Потому, обращаясь к Тебе, говорю спасибо за этот год. Ты мудрый, Ты правильно распределяешь мои силы и возможности. Спасибо за встречи с писателями, за многочисленные поездки, интересные знакомства. Это так здорово! Они необходимы мне для творчества. В этом году я наконец-то два раза побывала на ледоколе «Ленин». В конце года сдала в набор книгу рассказов «Тиррв – по-саамски здравствуй». От Баренцева секретариата получила грант, и с Сашей Даниленко сделали два фильма, много работала. За все тебе, Господи, огромное спасибо.

Но у меня есть три проблемы, с которыми хочу обратиться к Тебе за помощью. Первая – здоровье моего мужа. Умоляю, сделай ему послабление. Пусть наконец-то долечится и на работу выйдет, почувствует себя вновь полноценным человеком. Вторая – сын. Господи, помоги, наставь его, чтобы интерес не только к гитаре и скаутам был, но и к чтению, учебе. Третья – пусть отец поменьше выпивает. Я понимаю, идеалов нет, но хотя бы насколько можешь помоги моим мужчинам, которых я бесконечно сильно люблю. Спасибо, Господи, что выслушал меня».

Рождество 2006-го. «Дорогой Господь, с Праздником Тебя, с Рождеством Христовым! Стоит закрыть глаза, и в воображении возникает созданная Тобой земля. И когда вижу ее такой, то чувствую, как сердце мое начинает расти, наполняться любовью, и я обнимаю ее в надежде, что обнимаю Те-

бя. Ведь сила любви – значит сила чистой, доброй энергии, Твоей энергии, Господи! Потому Ты и живешь в моей душе своей любовью и добром. Я грешница, и то Тебе ведомо – бывает, злюсь, бывает, осуждаю кого, влюбляюсь, впадаю в отчаяние, да мало ли чего бывает... Искренне прошу прощения и не слишком строго наказывать. Обещаю, насколько смогу, буду сдерживать себя, но я человек горячий, потому заранее прошу – прости, если вновь нарушу какие-то из Твоих заповедей...»

Рождество 2008-го. «Дорогой Господь! Прошел год, как я писала Тебе. Год високосный, тяжелый, но Ты был милостив к нам, хранил моих близких и родных, за что Тебе благодарность моя великая. Ты давал нам испытания и болезни: смерть кота Люси, который жил-то всего два года, и собаки Кешки. Кешка хоть восемнадцать лет побегал, его мучил кариоз, он уже стал плохо видеть и слышать и умер тихо, никому не докучая. Ты послал мне испытание неприятием меня мурманскими писателями, но Ты же, дорогой мой, в этот год даровал нам и радости. Родился внук Степашка! Боря сумел выйти из еще одного инфаркта, даровал встречи, поездки, новых друзей, и за все благодарность моя Тебе великая...»

Рождество 2010-го. «Дорогой Господь! Пресвятая Дева Богородица, с Рождеством Христовым вас! Снова обращаюсь к вам в своем рождественском письме. Полчаса как пришла из церкви, ходила на службу. С 15 до 21.30 лепила у мамы рождественские козульки, в этот раз лепила их совсем одна, а мама теста замесила много, потому устала. Спину ломило, но вдруг возникло нестерпимое желание пойти на рождественскую службу в наш храм, чего раньше за собой не замечала. На службе от души помолилась, исповедалась, причастилась. Господь, дорогой мой, у всех сегодня праздник, все радуются, а у меня почему-то на душе печаль. Нет, я тоже радуюсь за Тебя, за людей, за себя, что Ты у меня есть, и все равно душу что-то гнетет. Викуля Бакула перед Новым годом в больницу попала, Боре сделали вторую операцию по стентированию, но уже 31 декабря и 2 января вызывали скорую, а 5-го и вообще в областную больницу увезли. Господь дорогой, этот год для мужа был очень тяжелым – пять раз в больнице лежал. Я как подумую, что в какой-то момент его сосуд может закрыться и не раскрыться, худо становится. И до безумия жалко себя. Такая я, оказывается, эгоистка есть... Когда это осознаешь, к сердцу уныние подкрадывается: зачем мы куда-то стремимся, что-то делаем, если в итоге всех ожидает свой «девятый километр». Я даже новый обет дала: до Пасхи после 19 часов ничего не есть. Дала за Борю и за Чечню, куда в апреле этого года собираемся в экс-

педицию. Что поеду туда, никому об этом из родных и друзей не скажу, чтоб не переживали и не отговаривали. Я упертая, все равно поеду, а Боре и родителям нервничать совсем нельзя...»

Рождество 2012-го. «05:23. Дорогой мой Господь! Пресвятая Дева Богородица! С праздником вас, с Рождеством! Рада, что могу говорить с вами, почувствовать ваше присутствие, огромную поддержку, помощь (стоит только помолиться и попросить) и вашу милость ко мне, великой грешнице. Особенно я это почувствовала после прочтения книги архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые» и инока Всеволода (Филиппьева) «Начальник тишины» – эти книги своего рода чистилища души, потому что, когда их читаешь, душа твоя настолько обнажается, что начинаешь видеть себя со стороны, видеть и понимать, как же далеко тебе, родная, до их света и чистоты. В книге Шевкунова говорится о том, что большую часть своей жизни люди или сами осуждают других, или становятся пассивными участниками осуждений, в простых ли беседах, в новостях, в газетных статьях или передачах СМИ... И я такая же, даже не пассивно осуждающая, а вполне активно, по телефону с подругами перемываю кости то одним, то другим моим обидчикам и говорю хоть не зло, но все равно с осуждением. Право, стыдно. И ведь находится на это время, типа я так от компьютера отдыхаю, а на самом деле активно, даже с некой долей радости грешу... Вот ведь правда какая получается, и не грешить таким образом хватает меня совсем ненадолго, даже не замечаю этого. Стыдно, что это стало в порядке вещей. Сначала обсуждаешь какие-то проблемы, события, а затем можно на личности перейти, и, как выясняется, процесс этот необратим. Как-то раньше я жила, жила и этой своей греховности так остро не ощущала, а после прочтения этих двух книг стало как-то стыдно жить вообще. Может, единственное качество, которое я ценю в себе как в писателе, это то, что в своих книгах я пишу правду...

Вот такие в эту ночь раздумья мои. За все тебе, Господи, огромная благодарность. И спасибо».

ОЩУЩЕНИЕ СЕБЯ ДО СИХ ПОР МОЛОДОЙ

Хочу заметить, что поколение 60–70-х во внутреннем ощущении себя очень помолодело. Я сама не ощущаю себя до сих пор зрелой, хотя мой возраст уже перевалил за пятьдесят, а в детстве 30-40-летних женщин считала солидными тетями, а 50-60-летних – практически старушками. И не оттого, что была маленькой. Просто поколение моей мамы, рожденное перед и во время Великой Отечественной войны, в заботах и трудах взрослело

слишком рано, ведь на возраст давил сильнейший груз ответственности, голод, разруха... Я запомнила свою маму в 33 года и уже тогда считала ее очень взрослой женщиной. Когда же мне самой было 27, мы с ней зашли в магазин, мама увидела какое-то платье, на ее взгляд очень приличное, и предложила его купить мне. Я возмутилась:

– Мам, да ты что, такие только тридцатилетние тетки носят.

Мама засмеялась:

– А тебе сколько?

Говоря о тридцатилетних тетках, я совершенно не думала о своих годах, потому как ощущала себя еще совсем юной. В принципе, мои ощущения не изменились и до сей поры.

А то, что наши мамы, отцы, бабушки с дедушками взрослели слишком рано, можно увидеть в фильмах тех лет и глядя на фотографии, которые запечатлели эпоху.

ПИСАТЬ КАК ДЫШАТЬ...

Вспоминаю Дмитрия Михайловича Балашова и его наставления, как писать:

– Попробуй сначала научиться рассказывать все предельно откровенно, даже беспощадно, забыв на время о печати, цензуре, приличиях – обо всем. Если сразу себя начать ограничивать – ничего не выйдет. Запомни, литература – это всегда открытие и дерзость.

Вспоминаю, как он читал мне у себя дома свою новую рукопись, как после каждой прочитанной главы спрашивал, словно начинающий писатель:

– Ну как, Надька, ничего, или, может, не пойдет такая откровенность в любви?

И я честно признавалась, что мне все интересно. А затем взяла и прямо спросила:

– Дмитрий Михайлович, а почему стал описывать любовь теперь? Не связано ли это с возрастом, когда стала уходить прежняя мужская сила?

Он сам учил меня быть предельно откровенной и потому на вопрос совершенно не обиделся, а так же откровенно ответил, мол, да, к сожалению, в моих словах есть доля правды. Он старел, но это не знаило, что ослеп, потерял голос, слух, обоняние. Может быть, именно в это время он и почувствовал все гораздо острее. Исчезли барьеры, комплексы... Появилась свобода. Наверно потому и о нашем Славянском ходе, и о своей там влюбленности написал так открыто. А может, чувствовал: не так-то много ему оставалось жить. И захотелось высказать то, что не давало покоя, сидело занозой в душе.

Память. Как она важна для писателя! После семи

операционных наркозов, когда вновь взялась за работу над рукописью книги о колоколах и хотела описать встречу с новгородским звонарем Вячеславом Волхонским, никак не могла вспомнить, куда записала его рассказ. Перевернула кучу записей – нет, и решила пойти другим путем – памятью ощущений. Вспомнила, что на встречу брала блокнот, который запросто поместился в кармане моей кофты... Восстанавливая события того дня, засунула руку в карман и ощутила твердую лощеную оболочку нового блокнотика, мысленно вынула его, и память тут же вернула мне цвет – темно-синий! После не составило труда найти и запись. Это всего один пример, но именно память чувств, ощущений, запахов, цвета помогает порой восстанавливать многое в нашей жизни. Это как в театре, актер только тогда сыграет роль правдиво, когда пропустит ее через свою душу и сердце.

Еще пример. Обучаясь в институте, я играла в отрывке пьесы Горького «Васса Железнова» – сцена, когда Васса не отдает сына Рашель. Я играла Вассу, и наш режиссер Владимир Петрович Марков то и дело кричал мне: «Не верю! Для Вассы внук – кровь ее, понимаешь – кровь! А ты с холодным носом играешь». Но как бы я ни силилась сыграть по-другому – не получалось. И тогда Владимир Петрович воздействовал на меня другим способом. Он спросил: «А что, если кто-то, подобный Рашель, захочет забрать у тебя дочь?» И только представив это, я тут же сыграла сцену, как того добивался Марков, сдерживая себя от готовности растерзать Елену Ярощук в роли Рашель.

Как-то я спросила одного довольно известного литератора, профессора философии, как он в год умудряется сразу по две книги писать и издавать? И получила потрясший меня своей правдой о нынешних рыночных отношениях в литературе ответ:

– Трудно написать только первую книгу, остальные – дело техники. Текст в компьютере, где убавлю, где прибавлю, где новые сведения введу, вот вторую и слепил, а там и третья на подходе... Материал один и тот же, ты его немного переставь, название измени и смело отдавай в другое издательство.

После этих слов до меня дошло, почему многих новоявленных модных авторов серьезные писатели считают только ремесленниками от литературы. Настоящий писатель живет в особом для него мире – мире его героев.

Дмитрий Балашов рассказывал, как в деревне Чеболакша в Карелии работал над одним из своих романов, описывая сцену новгородского пира, в этот момент к нему зашла почтальонша, сочувственно произнеся, мол, все один да один, не с кем даже словом перемолвиться. Дмитрий Михайлович

удивлен, да как же один, когда у него в комнате пир горой, купцы да бояре за столами сидят. Почтальонша глянула на него как на ненормального и тут же поспешила уйти. Да, впрочем, в январе 2012 года я сама засела за роман о времени Ивана Грозного, новгородцах и судьбе саамской нойты, вошла в эпоху, как говорится, с потрохами, но в это же время пришлось решать множество семейных проблем, и мне вся родня, подруги и друзья то и дело говорили: «Да когда же ты выйдешь из своего XVI века, ведь до тебя не достучаться». Вышла... Правда, теперь вот войти не могу...

Опыт и техника написания со временем приходят, а вот если в тебе нет внутреннего огня, горения, боли, которой хочешь поделиться, радости, чтобы выплеснуть, то как бы ты хорошо и грамотно тексты ни излагал, писателем не станешь. Здесь особый талант требуется, открытость души, парение и горение ее.

На выступлениях мне часто задают вопрос: а как вы пишете? Что сказать по этому поводу? Если у меня возникла идея чем-то поделиться с другими, я загораюсь ею и начинаю вынашивать ее в своей душе, как мать под сердцем вынашивает дитя, как бы банально это ни прозвучало. Правда, срок подобной беременности бывает разный. Сказки и рассказы писались сразу же и потом множество раз редактировались, а вот романом «Алхалалалай» беременной ходила целых семь лет. Но это совсем не означает, что все семь лет только его и писала, от силы месяц-два в году. То же происходило и с книгой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов...». Материал собирала с 1990-го, а идея все обобщить только в 1996-м пришла... В конце 2001-го захотелось написать книгу о колоколах, но только в последний день уходящего 2011 года получила из типографии первые экземпляры... Не знаю, достоинство это или недостаток, но писать быстро я не умею.

КОНФЕТЫ «БЕЛОЧКА»

Мурманское книжное издательство отмечало в музее Есенина свой очередной юбилей. Фуршетный стол заставлен разными вкусностями, но меня на нем привлекли конфеты «Белочка», которые с детства были любимыми. Большая ваза конфет!

Валентине Евгеньевне Кузнецовой говорю:

– Сегодня-то я от души «Белочек» поем. А то мама в детстве купит с полочки кулек, спрячет и затем по одной выдает...

А тут – бери не хоч...

Вечер прошел отлично!.. Много общалась, народ веселила, а когда все разошлись, вспомнила

про «Белочки». Валентине говорю: – Евгеничка, а где «Белочки»?

Та: – Съели давно.

– Как съели? – обреченно спрашиваю я. – И ты ни одной мне не заныкала?

– Ты же знаешь, я шоколадные конфеты не ем – у меня от них пузо чешется, – пожимает плечами Валентина.

И тут я неожиданно для себя горько расплакалась. Казалось, никому не нужна, если даже ни одной «Белочки» не оставили. Евгеньевна успокаивает:

– Да ты что, Надюха, из-за конфет так расстроилась, да я тебе завтра их целый килограмм куплю...

Зашла библиотекарь Наталья Тарасова, увидела меня рыдающей, выяснила причину и спокойно констатировала:

– Она сегодня слишком много энергии всем отдавала, вот у нее нервный стресс и произошел, пусть поплачет, легче станет...

На следующий день Евгеничка с утра была в издательстве и все рассказала Игорю Циркунову, а когда пришла я, он, поздоровавшись, тут же выставил коробку шоколадных конфет к чаю и, извиняясь, со смешком сказал:

– К сожалению, «Белочек» в наличии не осталось, но, может, эти утешат тебя.

ВЫ, СЕВЕРЯНЕ, СОВЕРШЕННО ДРУГИЕ ЛЮДИ...

Когда выезжаю за пределы Кольского полуострова, от многих слышу, что мы – люди Севера – очень сильно отличаемся от других россиян. Это же подтвердила и моя однокурсница по училищу в Новгороде Тамара Брагина. Я со своей дочерью и сы-

ном Ольги Балашовой пошли Тамару в половине одиннадцатого ночи провожать. Но заволновались: взяли с собой Никиту, а Ольгу не предупредили. Телефонов поблизости нет, и я предложила:

– Может, мобильник у кого попросим?

Тамара посмотрела на меня как на ненормальную:

– Ты что, Надежда, кто тебе в Новгороде мобильник даст, это не у вас на Севере.

Но я с ней не согласилась, обернувшись, вижу, два парня идут. Останавливаю, спрашиваю:

– Мальчики, у вас мобильник есть?

Они, ошалело посмотрев на меня, отвечают:

– Есть, а что?

– Дайте позвонить, пожалуйста, – прошу их, – надо матери сообщить, чтоб за ребенка не переживала. Два слова всего.

Переглянулись, один другого спрашивает:

– Что, дадим?

– Ну, дай, – отвечает первый.

Протягивают телефон, а я им опять:

– Нет, мальчики, вы сами номер наберите, я им пользоваться не умею (у меня тогда еще своего не было), – и цифры диктую.

Когда Ольгу предупредила, поблагодарив, отдала трубку парням, и обращаюсь к Тамаре:

– Вот видишь, и у вас нормальные, понимающие люди есть, даже молодые, а ты не верила.

Она восторженно смотрит на меня и говорит:

– Нет, Надь, это они тебе отказать не могли, я же говорю, вы, северяне, совершенно другие люди...

А я искренне верю: ты к людям с добром, и они к тебе с радостью на помощь придут. В этом меня никто не переубедит.

Надежда Павловна БОЛЬШАКОВА

родилась в поселке Ревда Мурманской области.

Окончила Ленинградский институт культуры.

В 1994 году в Ревде основала Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой.

Автор многих книг, в том числе:

«Подарок чайки» (1996), «Тиррв по-саамски – здравствуй» (2000);

«Хлебные горбушки» (2005); «Алхалалай» (2003);

«Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005);

«Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи» (2011);

«Антология саамской литературы» (2012); «Октябрина» (2012);

«На пике творческого взлета. Сергей Есенин. 1917» (2013).

